

УДК 94(47):327

МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КОНЦЕПЦИЯ Н. В. ЧАРЫКОВА

О. А. Чернов

Чернов Олег Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, ochernow@gmail.com

В статье анализируются взгляды и дипломатическая практика российского государственного деятеля и учёного Н. В. Чарыкова, направленные на решение проблемы создания системы международной безопасности. Прослеживается формирование взглядов Н. В. Чарыкова и их развитие. Важнейшим аспектом его рассуждений стало рассмотрение эволюции статуса мирных договоров от «вечных» к «относительным» как важное условие для исключения военного способа решения международных проблем.

Ключевые слова: Н. В. Чарыков, внешняя политика России, дипломатия, международные отношения, международная безопасность, мирный договор, Гагская конференция, Лига Наций.

Peace Treaties and the Problem of International Security: the Concept of N. V. Charykov

О. А. Chernov

Oleg A. Chernov, ORCID 0000-0003-1783-8750, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, M. Gorkogo Str., Samara, 443099, Russia, ochernow@gmail.com

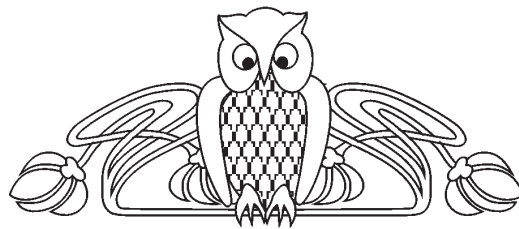
The article analyzes the views and diplomatic practices of the Russian statesman and scholar N. V. Charykov aimed at solving the problem of creating a system of international security. The formation of Charykov's views and their development is traced. The most important aspect of his reasoning was consideration of the evolution of the status of peace treaties from 'eternal' to 'relative' as an important condition for excluding the military way of solving international problems.

Key words: N. V. Charykov, Russian foreign policy, diplomacy, international relations, international security, peace treaty, Hague Conference, League of Nations.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-290-294

Российский государственный деятель и учёный Николай Валерьевич Чарыков получил наибольшую известность как один из главных виновников международного инцидента, вошедшего в историю как «демарш Чарыкова»¹. Однако, следует заметить, что в своей дипломатической практике Н. В. Чарыков имел опыт урегулирования международных проблем в Центральной Азии², на Ближнем Востоке³, Балканах⁴, а также оказал непосредственное влияние на создание международной системы безопасности и международного права⁵.

Еще в период становления Н. В. Чарыкова посещали мысли об устройстве иной системы

международных отношений, способной обеспечить устойчивое и бесконфликтное развитие государств и обществ. Так, когда началась франко-прусская война 1870–1871 гг. его очень неприятно поразило, что учителя-немцы сразу стали плохо относиться к учителю-французу. «Странно и жалко, – писал он, – что люди, жившие в согласии и дружбе, готовы из-за каприза какого-нибудь Наполеона или Вильгельма сделаться врагами». Ему представлялось нелепым, что «народы, осознающие выгоды мира по воле одного человека, готовы совершить самую глупую из всех глупостей – войну»⁶.

Позднее в диссертации, представленной Н. В. Чарыковым по окончании Александровского лицея, он высказал мысль о «естественном росте и развитии движения России на юг и юго-восток». Это движение, по его мнению, продолжалось «только до тех пор, пока Россия не достигает соседней, которые могут соблюдать договоры и обеспечивать мир на ее границах»⁷.

В одной из своих ранних статей Н. В. Чарыков обращается к русско-английским отношениям, где приводит мысль российского царя Бориса Годунова, в которой выражена внешнеполитическая концепция последнего: «Чтобы всем великим государям христианским меж себя быти в любви и в ссылке и в крепкой дружбе и стояти б на басурман за один»⁸.

На данном этапе концепция мира Н. В. Чарыкова облекается в форму европоцентристского мировоззрения, что вероятнее всего объясняется особенностями его обучения и воспитания⁹.

Убежденность в необходимости развития мирных методов для решения международных проблем значительно усилилась, после того как он вернулся с русско-турецкой войны 1877–1878 гг., участником которой был. «Впечатления, полученные на войне, сделали меня принципиальным сторонником мира и мирных дипломатических методов», – вспоминал он позднее¹⁰.

Свои идеи Н. В. Чарыкову представилось возможным реализовать на II Гагской конференции мира, которая открылась 15 июня 1907 г. Н. В. Чарыков был уполномоченным делегатом от России и Черногории¹¹.

Одним из важнейших представлялся ему вопрос о признании неприкосновенности частной собственности на море в военное время¹².

Наибольший вклад Н. В. Чарыков внёс в работу комиссии по международному морскому праву. В ней удалось достичь согласия по вопро-

су об установлении международного морского суда¹³. Несмотря на большие дипломатические трудности, была составлена конвенция относительно прав и обязанностей нейтральных государств в морской войне. Конвенция содержала два нововведения – одно урегулировало продолжительность остановки воюющих военных кораблей в нейтральных портах, а другое – количество топлива, которое воюющие державы могли брать в нейтральных портах.

Н. В. Чарыков выдвинул здесь новые принципы «основанные на суверенитете совершенно нейтральных государств»¹⁴, которые предоставляли им издавать «специальные» правила на данный счёт, чем многие страны, по его замечанию, воспользовались в годы Первой мировой войны.

Журнал «The American Journal of International Law» подробно освещал работу комиссии, в составе которой работал Н. В. Чарыков¹⁵.

Сообщалось, что Н. В. Чарыков предложил установить правило осуществления нейтральным государством его прав. Согласно данному правилу действия нейтрального государства не должны рассматриваться как недружелюбный акт любой из воюющих сторон¹⁶.

Характеризуя работу морской комиссии отмечалось, что были представлены проекты относительно срока пребывания военных судов в нейтральных портах. Точка зрения Н. В. Чарыкова заключалась в том, что определение данного срока является прерогативой конкретного государства¹⁷.

В дальнейшей дипломатической практике Н. В. Чарыков неоднократно обращался к принципам, установленным II Гаагской конференцией мира.

Спустя годы после отставки и уже в эмиграции Н. В. Чарыков написал статью, непосредственно посвященную проблемам, связанным с таким понятием, как «мирный договор»¹⁸. Эпиграф, выбранный им к статье, говорит о той мысли, которую он собирался развивать в ней. Это был отрывок из речи Мак Нейлла, лорда Кушендана, произнесённой им в Кентербери 4 ноября 1927 г.: «Другая война в большем масштабе уничтожила бы европейскую цивилизацию»¹⁹.

Н. В. Чарыков отметил: «Начиная с грозного вопроса: как предотвратить другую войну в большем масштабе, ставшего темой напряженной общественной дискуссии, недостаточно было сказано о новом принципе, введенном в международное право после Великой войны, который может быть, определил относительность в мирных договорах».

Он полагал, что «Эта новая идея была впервые воплощена в мирном договоре в статье 19, части I Версальского соглашения 1919 г.». По его мнению, формулировка и вставка этой статьи в Соглашение Лиги Наций являются заслугой президента США В. Вильсона, который проявил инициативу и настойчивость. Идея состояла в том, чтобы сделать возможным «повторное рассмотре-

ние соглашений, которые стали неприемлемыми и рассмотрение международных условий, продолжительность которых могла бы подвергнуть мир опасности». Такой пересмотр должен был осуществляться при посредничестве Лиги Наций и должен быть направлен на предотвращение войн. «Этот новый поворот в практической политике дает некоторую надежду и обещает гарантию всеобщего мира» – полагал Н. В. Чарыков.

При этом он отмечал, что это добавляет в практику международных отношений метод, который нарушает фундамент классической доктрины относительно святости и постоянства соглашений и уменьшает даже «самые значительные и самые торжественные из них» до статуса временных соглашений, имеющих относительное значение. «Об этом вопросе я желаю сказать несколько слов с точки зрения международного права и дипломатической практики» – пояснил он.

Автор констатирует, что прежде мирные договоры имели очень серьезные обязательства и назывались «вечными», согласно римской юридической формуле благочестивых и остального мира». Такие соглашения обычно являлись началом нового исторического периода, как, например, Вестфальский договор 1648 г., который завершил тридцатилетнюю войну и заложил политическую основу современной Европы.

Н. В. Чарыков относил к подобной категории договоров «вечные соглашения» о «капитуляциях» между европейскими державами и Турцией, а также законы, которые оставались в силе в течение многих столетий и были отменены только Первой мировой войной и Лозаннским соглашением 1923 г.

Таким образом, «мирные договоры должны были рассматриваться как абсолютно обязательные и как защищённые от непредвиденных обстоятельств, относительности и изменений, пока не следовала война, которая обычно рано или поздно случалась между договаривающимися сторонами».

Он полагал, что к той же самой категории можно отнести и Парижское соглашение 1856 г., которое завершило Крымскую войну и также рассматривалось как абсолютное и неограниченное по времени, «пока это не было неожиданно изменено новым способом Лондонской конференцией и Протоколом 1871 г.»²⁰.

Автор указывал, что «Победители Крымской войны, Франция и Великобритания, наложили на Россию в соответствии с Парижским соглашением серьезные ограничения ее прав на Черном море» но «когда пятнадцать лет мира и внутренних реформ устранили в России последствия войны и причин поражения, Императорское правительство использовало в своих интересах падение Наполеона III, чтобы объявить себя свободным от этих ограничений знаменитым циркуляром князя Горчакова 19-ого/31-ого октября, 1870 г.»²¹.

Н. В. Чарыков объясняет этот ход тем, что А. М. Горчаков объявил, что множество оговорок к Парижскому договору установленные другими правительствами, которые затрагивали прямые интересы России, лишили её возможности в дальнейшем соблюдать условия, хотя Россия полностью придерживалась общих принципов договора и была готова к дальнейшему соглашению с другими подписавшими державами.

Он указывает, что на Лондонской конференции, созванной по поводу ноты Горчакова, не оспаривалось требование России по существу, и в текст договора были внесены необходимые изменения. При этом, как отмечает Н. В. Чарыков, «британский министр иностранных дел поднял очень серьезный и принципиальный дипломатический вопрос. Так, впервые в дипломатической практике Держава, подписавшая мирный договор, открыто и искренне сообщила другим Державам об отмене части соглашения, которая стала для неё неприемлемой, и сделала это без какой-либо военной угрозы или подготовки, выражая также готовность вступить в новое мирное урегулирование».

Автор замечает, что до этого не существовало подобных прецедентов, и не было правила относительно того, как в подобном случае поступать. «Один пункт, однако, по мнению лорда Гренвилля, находился вне сомнения: “то, что это – существенный принцип Закона Наций, что никто из них не может освободить себя от обязательств соглашения, ни изменить его соглашения ничем иначе, как через согласие договаривающихся сторон посредством дружественного соглашения”» – отмечает Н. В. Чарыков.

Он подчеркнул, что, когда министр иностранных дел провозгласил этот принцип и получил единодушное одобрение членов конференции, конвенция 13 марта 1871 г. была подписана в Лондоне.

При этом он оговаривал, что «этот закон был ещё очень ограничен в его возможностях и носил только ограниченный характер, но это сформировало, однако, важный новый принцип в международном праве, усовершенствованный позже Гаагскими конференциями мира и соглашением Лиги Наций».

Н. В. Чарыков обращает внимание на то, что за несколько месяцев до начала II Гаагской конференции мира 1907 г. А. И. Нелидов, который был российским послом в Париже и должен был стать председателем намеченной конференции, издал в Париже статью относительно одной из самых частых причин войны».

Он подмечает, что А. И. Нелидов видел причину в том, что «мирный договор фиксирует и отражает относительную политическую и военную ситуацию воюющих сторон на этапе завершения их войны, и устанавливает на том основании их будущие взаимные отношения и элементы их политического, военного, и экономического равновесия навсегда в последующее время»²².

Но поскольку «ни один из этих элементов живого организма, типа государства не может избежать изменения» и «одно государство становится более слабым и более бедным, а другое более сильным и более богатым, то одно имеет тенденцию сжиматься, а другое, чтобы расширяться»²³ – подчеркивал Н. В. Чарыков.

В результате, с течением времени, «если говорить, например, только о территориальных пределах, установленных в соответствии с соглашением, то эти пределы становятся слишком обширными для одного и слишком узкими для другого».

В качестве примера Н. В. Чарыков приводит два случая. Так, австрийская Империя в соответствии с Венским соглашением 1815 г. постепенно увядала и распалась на части под растущим влиянием Италии, Венгрии и ее балканских соседей.

Также «перенаселенная Япония, проигнорировавшая в 1904 г. ограничения 1895 г., наложенные на Японию для защиты Китая Россией, Францией и Германией, в конечном счете, аннексировала Корею и Южную Маньчжурию».

Он подчеркивает, что «Все это осуществлялось военным путем, поскольку, как видно, что никакого другого пути не было тогда известно или реализовано для повторного рассмотрения соглашений, которые стали неприемлемыми».

Автор отмечает, что официальное положение А. И. Нелидова не позволяло подписать статью его именем, и она была издана под псевдонимом. «Но он предоставил её мне, чтобы прочитать в Гааге, и мы часто обсуждали сложные вопросы, которые он умело предложил общественности».

Н. В. Чарыков видел недостатки «вечных соглашений» в том, что они являлись декларациями мирных договоров на неопределённый период времени мира или перемирия, заключаемых, когда война не могла быть ни продолжена, ни выиграна.

Он указывает, что такой мир был подписан на двадцать лет между императором и султаном в 1606 г., и признавался независимо от персоны правителей. В этом же ряду он отмечает «важное Андрусовское перемирие между Россией и Польшей, подписанное в 1667 г. на шесть лет и измененное в 1686 г. на “вечный” мир»²⁴.

Еще ранее Н. В. Чарыков уделил весьма пристальное внимание Андрусовскому договору. Он подчёркивал многосложность сложившейся ситуации. С одной стороны, между Россией и Польшей не могло быть подписано мирного договора, поскольку «их вековой спор еще не был доведен до конца», но, с другой стороны, оба государства не считали возможным уступить спорную территорию Турции. Так появился компромиссный вариант в виде андрусовского перемирия на 13,5 лет, целью которого был оборонительный союз против Турции и Крыма. Договор обязывал обеих государей «давать общими силами отпор басурманам и препятствовать, чтобы Украина не

отошла к последним. Было договорено также, в случае нападения турок или крымцев, известить об этом великих государей христианских и обратиться к ним за помощью»²⁵.

При этом он отмечает, что в его время подобные договоры вышли из употребления, и дипломатия должна искать другие средства²⁶.

«В своё время “Тройственный союз” Германии, Австро-Венгрии и Италии, порожденный Бисмарком, был рассчитан на существование в течение десяти лет и был дважды продлен. И оборонительное франко-британское “Сердечное согласие”, было заключено ввиду возможной германской агрессии и продолжалось, пока та не началась и не закончилась» – отметил он.

По мнению Н. В. Чарыкова, Гаагские конференции мира 1899 и 1907 гг. не смогли, вопреки ожиданиям, подойти к главной проблеме изменения или замены неприменимых соглашений. Но они создали и дали развитие различным инструментам, типа систематического арбитража, стабильных учреждений и посредничества, и международных комиссий по расследованию, которые фактически работали и действительно помогали государствам, искренне настроенным поддерживать мир и избежать войны. «Гаагский трибунал, который построен на аполитичных принципах, также показал себя как самое полезное и авторитетное учреждение для того, чтобы содействовать миру»²⁷ – заметил он.

Н. В. Чарыков полагал, что это стало возможным «только после того, как человечество испытало бедствия мировой войны и все еще находилось в страхе от перспективы возобновления войны, и время казалось подходящим для включения в условия мирного договора возможность мирного изменения или непосредственной отмены данного соглашения, и аналогично всех видов “неприменимых” соглашений»²⁸.

Он считал, что часть 1, статьи 19 Версальского договора, поддерживая Устав Лиги Наций, обязывает государства сделать так, и считать таким же образом любые международные условия, угрожающие присутствующим на ассамблее членам Лиги. Тем самым «новый и многообещающий гибкий принцип относительности и практической адаптируемости соглашений к меняющейся ситуации занял место старой доктрины их монархов, ожесточенной и опасной неизменности» – подчеркнул он.

Н. В. Чарыков обращает внимание на то, что «Соглашение» непосредственно, хотя это формально самый главный закон, допускает, что подписавшие его государства могут быть освобождены от его обязательств при осуществлении необходимого уведомления, как было сделано Аргентиной, Бразилией и Испанией.

По его мнению, «Этот принцип ... устанавливает в международном праве и дипломатии, помимо “права войны” и “права мира” времени Гуго Гроция, нового посредника, “право между-

народного рассмотрения”, посредством которого войны могут быть предотвращены вовремя и общим мирным согласием».

Н. В. Чарыков полагал, что независимо от того, что будет дальше необходимо соблюдать нормы Версальского договора и устава Лиги Наций и особенно тщательно должен соблюдаться, развиваться и применяться всеми нациями в дальнейшем в общих интересах человечества»²⁹ принцип, установленный в статье 19³⁰.

Он заметил, что Германия присоединилась к Лиге Наций, надеясь получить послабления без войны, в виде если и не отмены некоторых обязанностей, наложенных на нее в соответствии с Версальским соглашением, то хотя бы на условиях Трианонского договора для Венгрии³¹.

Автор отмечал, что, когда британский государственный деятель Д. Ллойд Джордж говорил в октябре 1927 г. о «регуляторах», которые могут появиться позднее для внедрения “с терпением и осмотрительностью” в существующие договоры, он осуждал широко распространившееся мнение, что «поддержание мира во всем мире будет зависеть теперь от снисходительной интерпретации определенных соглашений в свете статьи 19 Соглашения».

Н. В. Чарыков заключал, что благодаря новой доктрине международного права можно надеяться на мир. Она при определенных условиях допускает коллективный, мирный и своевременный пересмотр всех соглашений, тогда, когда вместо обеспечения мира они начинают провоцировать войну. Он выражал надежду, что к данному принципу относительности в мирных договорах будут обращаться под давлением интересов общей безопасности, «независимо от успеха или разоружения или арбитража»³².

Впоследствии Н. В. Чарыков внимательно следил за деятельностью Лиги Наций. По его мнению, данное международное учреждение уступало Гаагским конференциям, где были не нужны «какие-либо выборы государств для того, чтобы иметь представительство», все государства-участники имели равные права. Он считал, что Лига Наций превратится со временем в инструмент давления, в то время как Гаагские конференции имели, прежде всего, позитивно-законодательное значение³³.

Таким образом, Н. В. Чарыков достаточно рано задумался о создании системы, которая поддерживала бы международную стабильность и обеспечивала дипломатическое решение спорных вопросов. Его личный практический вклад наиболее весом в установлении норм в области международного морского права.

Н. В. Чарыков всю свою жизнь боролся за мирные международные отношения. Безусловно, его нельзя назвать пацифистом, так как он не отвергал силовых методов категорически. Но необходимо отметить, что силовые методы он рассматривал как крайнюю меру, ибо был с детства твердо

убеждён, что война является неприемлемым способом решения международных проблем.

В конечном счёте, он обратился к вопросу о модернизации темпорального и семантического элементов мирных договоров, рассматривая эволюцию их статуса от «вечных» к «относительным» как важное условие создания системы международной безопасности.

Примечания

- 1 Британский исследователь Д. Ливен обратил внимание на различные подходы к оценке «демарша Чарыкова». Он отметил, что автор данной статьи, в отличие от ранее сложившейся и доминирующей точки зрения, придерживается в своих работах иной аксиологической позиции, состоящей в том, что степень ответственности Н. В. Чарыкова в неудачном исходе переговоров о режиме черноморских проливов с Турцией не столь велика. См.: *Lieven D. The End of Tsarist Russia : The March to World War I and Revolution. N.Y., 2016. P. 403.*
- 2 См.: *Чернов О. А. Деятельность российского политического агента Н. В. Чарыкова в Бухарском эмирате // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 52–56.*
- 3 См.: *Чернов О. А. К вопросу о «демарше Чарыкова» // Война и общество. К 90-летию начала первой мировой войны. Самара, 2004. С. 37–46.*
- 4 См.: *Чернов О. А. Н. В. Чарыков и военно-морская программа Турции накануне Первой мировой войны // Российская государственность : от истоков до современности : Междунар. науч. конф., приуроченная к 1150-летию российской государственности. Самара, 2012. С. 172–177.*
- 5 См.: *Чернов О. А. Деятельность Н. В. Чарыкова на Второй Гаагской конференции мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 5(11), ч. 2. С. 204–205 ; Чернов О. А. Н. В. Чарыков и подготовка Второй Гаагской конференции мира // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Беллинского. 2012. № 27. Гуманитарные исследования. С. 1089–1093.*
- 6 Центральный Государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 77. Л. 231.
- 7 Там же. Д. 78. Л. 311.
- 8 *Чарыков Н. В. Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг. СПб., 1876. С. 4.*
- 9 См.: *Чернов О. А. Ранние годы российского дипломата и учёного Н. В. Чарыкова. По документам Центрального государственного архива Самарской области // Вестн. архивиста. М., 2012. № 4. С. 292–299 ; Чернов О. А. Британский фактор в становлении российского дипломата Н. В. Чарыкова // Британские чтения : материалы II Всерос. с междунар. участием конф., посвящ. 90-летию проф. Марии Моисеевны Ябровой (Саратов, 19–20 сентября 2013 г.). Саратов, 2014. С. 133–140.*
- 10 См.: *Tcharykow N. V. Glimpses of High Politics. L., 1931. P. 18.*
- 11 См.: *Debidour A. Histoire diplomatique l'Europe. Depuis le congres de Berlin jusqu'a nos joirs. Seconde partie vers la grande guerre (1904–1916). P. : LIBRAIRIE FÉLIX ALCAN, 1917. P. 78 ; Пустогаров В. В. «... С пальмовой ветвью мира». Ф. Ф. Мартенс – юрист, дипломат, публицист. М., 1993. С. 257.*
- 12 См.: Архив внешней политики Российской истории (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 4906. Л. 5 об. Доверительная записка Д.С. С. Чарыкова. 31 мая 1906 г.
- 13 См.: *Tcharykow N. V. Glimpses ... P. 257–258.*
- 14 Ibid. P. 258.
- 15 См.: *The American Journal of International Law. 1908. (Jul.). Vol. 2, № 3. P. 507.*
- 16 Ibid. P. 526.
- 17 Ibid. P. 516–518.
- 18 *Tcharykow N. V. Relativity in treaties of peace // The Contemporary Review. 1928. Vol. CXXXIV (134). Jul. P. 191–194.*
- 19 Ibid. P. 191.
- 20 Ibid.
- 21 Ibid. P. 192.
- 22 Ibid.
- 23 Ibid. P. 193.
- 24 Ibid.
- 25 *Чарыков Н. В. Павел Менезий. Его дипломатическая и военная служба при Московском дворе и предполагаемое наставничество при Петре Великом // Исторический вестн. 1900. № 11. С. 526.*
- 26 *Tcharykow N. V. Relativity... P. 193.*
- 27 Ibid.
- 28 Ibid. P. 194.
- 29 Ibid.
- 30 Статья 19 : «Собрание может от времени до времени приглашать Членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир» // *Устав Лиги Наций. М., 1925. С. 12.*
- 31 *Tcharykow N. V. Relativity... P. 194.*
- 32 Ibid.
- 33 *Tcharykow N. V. Glimpses... P. 260–261.*

Образец для цитирования:

Чернов О. А. Мирные договоры и проблемы международной безопасности: концепция Н. В. Чарыкова // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 290–294. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-290-294.

Cite this article as:

Chernov O. A. Peace Treaties and the Problem of International Security: the Concept of N. V. Charykov. Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 290–294 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-290-294.